

— Да вовсе нет, — Ли Фуюй натянуто усмехнулся, пытаясь замять разговор. — При чём тут вообще ты? С чего тебе такое в голову взбрело?

Но он и сам понимал: провести Фуи не удастся.

Его Маленькую Луну вообще-то никогда не было просто обмануть. Если прежде тот и поддавался на чужую ложь, то лишь оттого, что слишком дорожил близкими и до беспамятства пёкся о тех, кто на самом деле желал ему зла.

А ведь Фуи был истинным гением. Направь он хоть крупицу той пронизательности, что помогала ему в медитациях, на житейские дела — и никому бы не удалось водить его за нос.

Поэтому Янь Фуи лишь покачал головой, не желая развивать эту тему.

Ли Фуюй понятия не имел, какие роковые мысли бродят теперь в голове его спутника, и буквально изнывал от тревоги, не находя себе места.

Но как бы он ни пытался разговорить юношу, какими бы окольными путями ни заходил и на что бы ни намекал — мечник лишь безмолвствовал в ответ.

Янь Фуи посвятил всё своё время совершенствованию. Повинуясь собственному, интуитивно обрётённому методу, он поглощал демоническую ци вместе с духовной энергией. Израненные, изорванные меридианы служили ему подобием сита: сквозь них он процеживал энергию, отсеивая грязно-пурпурную скверну и омывая плоть чистейшей, первозданной силой.

Они держали путь на юг, всё ближе подбираясь к передовой — к полю битвы бессмертных и демонов.

Поразительная скорость, с которой росло мастерство Янь Фуи, пугала Ли Фуюя. Сам он вовсе не был простаком: за его плечами остались сотни миров, ежедневно через его руки проходили кипы историй о непобедимых героях-драконах, а уж избалованных судьбой баловней Небесного Дао он повидал столько, что само слово «гений» давно вызывало лишь зевоту.

Но никто из них не мог сравниться с Янь Фуи.

Уже в первый день Янь Фуи научился закалять вбираемую энергию намерением меча. Свирепая, буйная демоническая ци в его теле становилась покорной, точно ласковый котёнок: она больше не несла разрушения, а, напротив, бережно сращивала повреждённые меридианы.

На второй день он приноровился мгновенно преобразовывать излишки неукротимой энергии в острые шипы и направлять их в Уван, благодаря чему его связанный с душой меч вернул прежние размеры.

На третий день, стоя на вершине отвесной скалы, Янь Фуи сделал один-единственный взмах клинком — и плывущие над землёй облака разлетелись в клочья, а бешеный порыв ветра взвыл с такой яростью, словно юноша вновь обрёл былую мощь Золотого ядра и ударил в полную силу.

Янь Фуи стоял на вершине горы без тени эмоций на лице. Чёрные рукава скользнули вниз, приоткрывая бледные запястья с отчётливо проступающими тонкими венами. Облик этого заклинателя меча был безупречен, точно искусный рисунок на свитке: он походил на бессмертного небожителя, запечатлённого случайным мазком туши посреди величественного горного пейзажа.

С точки зрения любого традиционного заклинателя — предстань пред ним сейчас хоть Достопочтенный Меча Вопрошающий Небо, — его «старший ученик» казался окончательно погубленным калекой. От него не исходило ни единого колебания духовной силы; он лишился самого дорогого, что есть у практикующего, — своего духовного корня.

Однако лишь Ли Фуюй ведал истину: начнись сейчас бой не на жизнь, а на смерть, Янь Фуи вполне мог бы показать себя куда более опасным противником, чем в былые времена.

Но радоваться тут было нечему. Этот метод ведения боя буквально пожирал его изнутри. Человек остаётся человеком — ему ведомы и боль, и усталость. Какое же в этом благо, если относиться к собственному телу как к глиняному сосуду, который не жаль расколоть?

К тому же Янь Фуи изнурял себя неспроста: он целенаправленно прокладывал себе путь к самому кровопролитному участку фронта.

На нынешнем поле битвы бессмертных и демонов его поджидала опасность не только в лице свирепых тварей. Те заклинатели, что формально считались «союзниками», питали к нему куда более ядовитую злобу.

К тому же... там правил бал Достопочтенный демонов.

Беспокойство Ли Фуюя достигло апогея, едва они вышли к перевалу Долины Затяжного Ожидания.

За этим хребтом раскинулось само пекло — поле великой сечи, бушующей вокруг Древа Девяти Созерцаний.

Войско демонов, хлынувшее из Бездны демонов, сошлось в яростном клинче с силами союза праведных орденов. Небеса рушились, земля стонала от этой резни. Заклинатели удерживали шаткое превосходство, но радоваться никто не спешил.

Ведь демоническими полчищами по-прежнему верховодил лишь их юный Молодой господин

расы демонов, сам же Достопочтенный демонов до сих пор не явил себя миру.

Янь Фуи тоже знал об этом. Он смутно догадывался, что затишье со стороны Достопочтенного демонов напрямую связано с поисками некоего артефакта, ради которого тот разослал своих соглядатаев по всем уголкам Поднебесной.

Вопрос лишь в том, что это за вещь и можно ли использовать её, чтобы переломить ход этой смертельной игры.

Янь Фуи был настолько поглощён размышлениями, что заметил преградившую ему путь фигуру лишь в самый последний момент, когда бежать было уже некуда.

Перед ним стоял юноша с тонкими, изящными чертами лица. На его глазах дрожали готовые пролиться слёзы, а во взгляде читалась глубокая обида.

— Брат... — тихо, с надрывом позвал он.

Янь Фуи едва заметно нахмурился.

В груди зашевелилась тупая, давно не дававшая о себе знать боль, а вместе с ней проснулось инстинктивное желание защитить — глупый рефлекс, укоренившийся в самой его плоти и крови за долгие годы. Игнорировать его было чертовски трудно.

И всё же Янь Фуи не остановился. Он даже не посмотрел на юношу толком. Развернувшись, он просто пошёл мимо.

Отныне их ничто не связывало.

"Раз уж сколько ни открывай ему сердце, для него ты всегда пребудешь лишь злодеем, которого необходимо извести... незачем снова унижаться. Незачем ранить тех, кто по-настоящему дорог, теща злобу врагов"

"Ты сможешь, Янь Фуи. Справишься"

— Брат! — вскрикнул Янь Тиншуан.

Сделав резкий шаг вперёд, он намертво вцепился в запястье старшего. Стоило ему моргнуть, как по щекам покатились крупные, сверкающие слезинки.

— Ты... ты больше не любишь своего Сяо Шуана? Неужели бросишь меня?

Янь Фуи дёрнул рукой, но хватка была слишком крепкой. В мирные минуты его физические силы мало превосходили возможности обычного, пусть и тренированного смертного. Тиншуан же теперь обладал недюжинной мощью, и вырваться из его рук без применения смертоносных техник было не так-то просто.

Глядя на это родное когда-то лицо, он ловил себя на мысли, что поражён собственным спокойствием.

Грудь всё ещё сдавливало, но когда застарелая боль въедается в подкорку, к ней привыкаешь. Она притупляется, перерастая в глухое, удушливое отвращение.

Ему не хотелось говорить Тиншуану ровным счётом ничего.

Тиншуан жалобно разрыдался:

— Ты... ты ведь на меня обижен? Но рассуди сам! В тот день глава ордена и так рисковал навлечь на себя гнев Демонической достопочтенной, пытаясь защитить тебя. Как я мог пойти против воли учителя и умолять о пощаде?

Слушая эти излияния, можно было подумать, что именно младший брат остался без вины виноватым.

Янь Фуи молчал. Он прекрасно понимал, о чём речь.

Правда о гнусном сговоре, в ходе которого у него собирались силой отобрать кости меча, дошла до его ушей лишь потому, что Ли Цинхэ намеренно позволил ему подслушать. Сам Тиншуан и не подозревал, что старший брат в курсе дела.

Но они ведь были самыми близкими людьми! Как после предательства у младшего хватало наглости льнуть к нему, капризничать и строить из себя обиженного?

Возможно, причиной тому стало угрюмое молчание Янь Фуи, а может — незнакомый, пугающе чужой холод в его глазах, но Тиншуан вдруг запнулся и замолк. Наигранные слёзы мгновенно высохли, а скорбная маска едва не сползла с его лица.

Внутренний страх перед разоблачением смешался с уязвлённым эго, порождая глухое раздражение капризного баловня судьбы.

"С каких это пор Янь Фуи стал таким мелочным?"

Да, судя по всему, брат натерпелся лиха — от одного взгляда на грозовые разряды над Террасой Испытания Совести кровь стыла в жилах. Но при чём тут он, Тиншуан? Он, как

младший, всего лишь не стал вмешиваться и просить за него.

"В конце концов, Янь Фуи сам во всём виноват! Натворил дел, упёрся, опозорил орден и запятнал имя Пика Меча. Хотя бы каплю раскаяния проявил! И как ему только не стыдно разыгрывать из себя жертву? Неужели в его глазах все вокруг подлецы, а он один — чист и непорочен?"

Тиншуан до боли стиснул пальцы в глубине широких рукавов.

"Янь Фуи вечно не ценит того, что для него делают"

"В детстве он сжил со свету маму — и глава ордена, и шицзунь отлично знали, чья это вина. Сам Янь Фуи тогда во всём сознался, но за все эти годы так и не соизволил принести нормальных извинений мне, безвинно пострадавшему"

"Даже вступив в орден, он только и делал, что усердно тренировался да лебезил перед сыновьями главы Ли. А помочь родному брату, у которого была повреждена конституция, у него времени не находилось! Из-за его эгоизма я годами выглядел ничтожеством на фоне этих проклятых гениев"

"Янь Фуи по жизни мне должен!"

Стоило Тиншуану прокрутить в голове былые обиды, как крупницы раскаяния бесследно испарились. Брат ведь не умер, чего сокрушаться? Сейчас его душу терзала иная тревога: поговаривали, будто один из Истинных владык с горы Неоставления вознамерился взять Янь Фуи под своё крыло. Если тот добьётся успеха и всё выяснится, оправдаться перед старейшинами Тиншуану уже не удастся.

"Этим чужакам никогда не понять, через какой ад мне пришлось пройти"

Да и во время медитаций в последнее время творилось нечто неладное. Тиншуан подозревал, что чужой духовный корень приживается с трудом, но обсудить это было не с кем. По старой привычке ему хотелось пожаловаться брату, чтобы тот, как всегда, во всём разобрался и нашёл выход.

Мысленно велев себе набраться терпения, он выдавил из себя кроткую, открытую улыбку — ту самую, которая раньше всегда безотказно действовала на брата.

Но стоило ему встретиться с Янь Фуи взглядом, как эта фальшивая маска дала трещину.

Старший никогда прежде не смотрел на него с таким выражением!

Прежде в глазах Янь Фуи всегда читались безграничная забота и какая-то подсознательная, трепетная уязвимость. Тиншуан прекрасно знал, что эта слабость предназначалась ему одному. Возможно, старший и сам не понимал, что из-за чувства вины за гибель матери он превратился в раба этой привязанности — он готов был пожертвовать ради брата жизнью, калеча себя при малейшей необходимости.

Тиншуан видел это яснее ясного. Он знал, что занимает в сердце брата особое место, с которым не мог тягаться даже этот безвременно почивший Ли Фуюй. Ради него Янь Фуи без раздумий расстался бы с жизнью.

И осознание этого приносило Тиншуану ни с чем не сравнимое упоение.

Чувство абсолютного превосходства кружило голову, позволяя без зазрения совести помыкать старшим и вить из него верёвки.

Но теперь... от прежней покорной слабости, которой Тиншуан мог вертеть как ему вздумается, не осталось и следа.

Янь Фуи смотрел на него спокойно и отрешённо, словно перед ним стоял абсолютно чужой человек.

"Да как он смеет?!"

"Постой..."

Внезапная мысль ушатым ледяной воды окатила Тиншуана с головы до ног.

"Неужели Янь Фуи обо всём проведаль?!"

"Нет, бред. Не нужно пугать самого себя. Ни один заклинатель не спустил бы с рук такое зверство. Даже любящие супруги на пути Дао готовы перегрызть друг другу глотки за жалкие крохи ресурсов, а тут речь идёт о духовных меридианах и костях меча — самой основе жизни! Подобная вражда может закончиться только смертью одного из нас"

"Знай Янь Фуи правду, он бы уже давно бросился на меня с мечом"

Наверняка он просто разнервничался. Хотя в последнее время его развитие шло семимильными шагами, чужой духовный корень приживался тяжело. Тиншуан стал излишне мнительным, по ночам его преследовали кошмары, а шицзунь то и дело сокрушался, что ученик слишком изнуряет себя медитациями и заметно исхудал.

"Никто ничего не узнает"

"Нужно лишь... чтобы Янь Фуи умер. Без него никто не докопается до причин пропажи костей меча, и уж точно ни одна живая душа не свяжет это с Тиншуаном. Все проблемы разрешатся сами собой в одно мгновение!"

— Брат! — Тиншуан судорожно, почти до боли сжал его руку. — Мастер... Мастер хочет тебя видеть! Возвращайся со мной в орден!

Янь Фуи на мгновение замер.

— Учитель? — тихо переспросил он. — Но разве он не объявил во всеуслышание, что отныне отрекается от меня?

Вместе с объявлением в розыск, разосланным Даосским орденом Куньлунь, Достопочтенный Меча Вопросающий Небо выпустил суровый манифест. В нём он громогласно винил себя в нерадении, сокрушаясь, что воспитал вероломного нечестивца, и клялся, что отныне у него нет сына, а закон покарает предателя без всякого снисхождения.

Какое редкое, образцовое великодушие.

— Да как же так... — залепетал Тиншуан. — Учитель просто погорячился в гневе, но я вымолил у него прощение! Да, точно... Ши́ди Цинхэ проговорился, что ты тайно возвёл Семивездную формацию Девяти Преисподних, силясь искупить вину перед шихэном Фуюем. Учитель и глава ордена лично осмотрели то место. Они полагают, что надежда на спасение ещё есть, и хотят обсудить это с тобой.

По мере того как Тиншуан врал, его голос обретал былую уверенность. Он знал слабые струны в душе Янь Фуи: какие бы потрясения тот ни пережил, как бы ни изменился, имя Ли Фуюя по-прежнему оставалось тем самым рычагом, способным сокрушить любую его защиту.

"Надо же быть таким дураком, как этот Ли Цинхэ, чтобы поверить, будто Янь Фуи сжил со свету его брата"

Тиншуан в сотый раз ухмыльнулся, вспомнив скудоумие этого ши́ди. Тот устроился на гору Неоставления исключительно из-за высокого положения отца-настоятеля да благодаря чужой снисходительности во время испытаний.

Будь он на месте Цинхэ, его бы ни за что не провели столь дешёвым обманом. Он бы точно не позволил слепой жажде мести превратить себя в послушную марионетку в чужих руках.